Василий Водовозов

Риторика в литературе и жизни

Василий Водовозов

Риторика в литературе и жизни

«Public Domain»
1864

Водовозов В. И.

Риторика в литературе и жизни / В. И. Водовозов — «Public Domain», 1864

«Начиная от времен Митрофанушки Фонвизина и до „Вопросов“ Пирогова до современных нам планов Ученого комитета, обсужденных так мирно немецкими педагогами и возбудивших такое нервное раздражение в „Современной летописи“, согласно ее женственной натуре (которую г. Соловьев находил и в Иоанне Грозном), начиная с самых первых наших толков о воспитании до последнего прения в С.-Петербургском комитете грамотности, – вопрос о том, что нам более всего нужно для нашего развития, какой более определенный и твердый путь избрать в нем, не был решен окончательно; да мы, кажется, и заботились очень мало о практическом решении этого вопроса…»

© Водовозов В. И., 1864
© Public Domain, 1864

Содержание

I. Классицизм 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Василий Водовозов
Риторика в литературе и жизни
(из педагогических наблюдений над детьми и взрослыми)

Начиная от времен Митрофанушки Фонвизина и до «Вопросов» Пирогова до современных нам планов Ученого комитета, обсужденных так мирно немецкими педагогами и возбудивших такое нервное раздражение в «Современной летописи», согласно ее женственной натуре (которую г. Соловьев находил и в Иоанне Грозном), начиная с самых первых наших толков о воспитании до последнего прения в С.-Петербургском комитете грамотности, – вопрос о том, что нам более всего нужно для нашего развития, какой более определенный и твердый путь избрать в нем, не был решен окончательно; да мы, кажется, и заботились очень мало о практическом решении этого вопроса. Итак, мы шли темными путями в своем развитии, случайно, часто без своего ведома, наталкиваясь на лучшую дорогу; хорошо ли, худо ли, мы сами развивали свой характер: учились тому, чему нас не учили; усваивали суждения, которые нам препятствовали усваивать; в зрелый возраст испытывали свои силы, дотоле спавшие в младенческом бездействии. Поработав немного для идеи, вычитанной из книжек, наши мыслители опочили от всех дел своих, и когда увидели в юношах кое-какие порывы молодых, свежих сил, то горько возроптали и даже исполнились негодования: «Дескать ничего толку не будет, а нам спать мешаете». Но можно бы спросить этого рода мыслителей: как вы их развивали? к чему приготовили? С вашим собственным развитием, хорошо ли знали, куда идти, на чем остановить свой взор, блуждающий в безмерном пространстве, на какие нравственные и вещественные силы опереться в обществе, чтоб действовать? Припомните лучше тех старцев, которые и вам в начале вашего поприща затемняли зрение, заваливали хворостом всякий желанный выход в жизнь и отравляли добрые надежды. Ныне какой-нибудь заботливый отец семейства, нежданно-негаданно произведши на свет детей, не один раз спросит себя: «Что мне делать с сыном?» – «Ничего не делайте, – ответит ему современный скептик, – чем меньше будете делать, тем лучше. Если вы сами порядочный человек, то и сын ваш будет окружен порядочными людьми и увидит хороший пример, которому не преминет подражать. Что касается развития, то предоставьте это дело природе и обстоятельствам; не забивайте только ему голову всякой всячиной, а толково объясняйте то, что потребует его собственная любознательность». Современный скептик будет прав в том отношении, что никак не следует насиловать природу; но и эту на вид очень простую систему не так легко осуществить на деле. Как вынесет и переварит голова мальчика те сотни впечатлений и вопросов, которые представляет окружающая жизнь? Не выйдут ли из этого только сумятица в мозгу и разные нервные болезни? Какой пример больше подействует на вашего питомца, хороший или дурной? Слишком разительный случай, одно болезненное ощущение, неразвитость того или другого органа – все тут имеет влияние. Вы, без сомнения, будете толковать то, о чем вас спросит ученик; но как вы это исполните? Не примешаете ли вы тут волей-неволей свой личный взгляд на предметы, свои узкие понятия и даже предрассудки – следствие вашего собственного развития? Притом, нет предмета в мире физическом, в кругу общественных или нравственных отношений, на который мальчик не обращал бы внимания, если только вы с детства не забили его способности тупым формализмом. С летами это естественное требование все узнать, испытать и определить быстро в нем развивается; возникает неудержимая жажда деятельности: голова горит от тысячи желаний, которые сталкиваются и уничтожают одно другое; хотелось бы разом одолеть самое трудное препятствие, достигнуть цели, едва достигаемой тяжелою борьбою всей жизни; если

при этом человек совсем не впадает в помешательство или в темный разгул, если масса мелких личностей не увлечет его за собою на торную дорогу от прежних, лучших стремлений, то значит, что в душе его была крепкая, нравственная основа. Что же вы, воспитатель, тут будете делать? Сохраните ли меру, изберете ли для себя руководящую мысль, чтобы дать сколько-нибудь правильный ход развитию? Как и чем поддержите юношу в первых, избранных им самим путях деятельности? Эти вопросы обыкновенно решают очень просто: «Нужно дать общее образование», – говорят педагоги. Что такое общее образование – всякому более или менее известно. Курс общих знаний, необходимых для каждого, определен с точностью; средства к развитию способностей также указаны: немецкие педагоги даже хвалятся руководствами и книгами для чтения чуть не для каждого года в период учения. Но нам кажется, что развитие способностей не идет так правильно и просто, как это предполагается по педагогическому идеалу. Мы видим, что школа, устроенная по самому идеальному плану, часто приготовляет одних мелких педантов или людей, неспособных ни к какой полезной деятельности. Отвлеченная наука остается бесплодною, обременяя голову одним грузом фактов и общих понятий; а жизнь все-таки захватывает человека в свой круговорот, рвет в его уме все правильно сложенные нити логических сплетений и оставляет его беспомощным перед беспощадною логикою живого дела. Мы согласны с вами, если вы скажете, что необходимо прежде всего развить ум вообще, а не загонять человека в какую-нибудь специальность. Но весь вопрос в том: что вы сделаете, когда ваш воспитанник захочет применять свои знания к жизни, когда он захочет объяснять те противоречия, которые представляет наука с окружающею действительностью? Вводя в курс общеобразовательные предметы, вы все же имеете целью развитие ума, а развивающийся ум не будет действовать по определенной нами программе: еще прежде вас тысячи обстоятельств жизни указывают ему ту или другую деятельность, задают вопросы, которых решения он тем больше будет требовать от высшей науки, чем более она способствовала развитию. Следовательно, и эти общеобразовательные предметы вы не уложите в строго размеренные ящики, не будете хранить их под ключом, чтоб всякий раз отпускать казенную порцию знаний. Между ними и бесконечно разнообразными их частями вы, конечно, выберете то, что наиболее пригодно к делу. Но что выбрать? На чем остановиться? Какую лучшую опору в знании найти для будущей деятельности учащегося? Там, где общественная жизнь – хорошо ли, худо ли – сложилась в определенные формы, где понятия образованного общества твердо установились в известном направлении, и человеку, вступающему в свет, раскрыто много путей к самостоятельной и полезной деятельности, там и школьное знание легко примиряется с жизнью. Школа, может быть, и насилует способности учащегося, но все-таки приготовляет его к тому, в чем, по выходе из нее, он найдет для *себя* работу. Но когда в обществе чисто научные интересы еще слишком слабы, а общественная жизнь требует все новых деятелей, которым предстоит не просто исполнять давно известный труд, а, так сказать, изобретать его, касаясь своими руками совершенно нетронутой почвы; когда человеку нужно стоять твердо и еще действовать среди всеобщего колебания понятий, при дикой разноголосице мнений и при тяжелом грузе невежества, который оттягивает к непробудному сну всякого, кого вы ни пытаетесь поставить на ноги, – тогда вопрос о том, какими путями достигнуть лучшего успеха в образовании юношества, решается не так легко. Мы здесь не имеем целью угадывать этих новых путей, а укажем только на те, которые пройдены нами прежде: тому, кто стоит в ночи на распутье, еще не зная, откуда забрежит желанный огонек, все-таки полезно припомнить, как он блуждал до того времени, чтобы не возвращаться к прежним трясинам.

I. Классицизм

В начале статьи мы упомянули о Митрофанушке. Животное откармливание тупоголового барчонка, будущего владельца крестьян, разоренных в прах усердием его маменьки, было главным фактом, поразившим Фонвизина в тогдашнем обществе. И Митрофанушка, и Простакова, и Скотинин представляют ту естественную почву, на которой тогда возделывали семена добродетелей. Стародум говорит, что «главная цель всех знаний человеческих – благонравие», и Правдин удостоверяет, что «особы высшего состояния просвещают детей своих». Хотя Митрофанушка, по идее Фонвизина, есть разительный пример злонравия, все-таки в конце комедии его тянут на службу. Служба, таким образом, должна быть для него воспитательным элементом, и, как он ни плох, а обязан приобресть это служебное воспитание по своему званию дворянина. Нельзя осуждать Фонвизина за такое окончание комедии: он наивно изобразил то, что нашел в обществе: чиновничья служба действительно в то время была целью и средством всей образовательной деятельности. Но что у Фонвизина приправлено высокими идеями о гражданственности, о добродетели, то не слишком пленяет опытную Простакову, которая говорит: «Ведь пока Митрофанушка еще в недорослях, пока его и потешить; как войдет в службу, всего натерпится»; и сам Стародум проговаривается о дороге, на которой двое разойтись не могут: один другого непременно сваливает. Все-таки Простакова, хотя для формы, воспитывает Митрофанушку, и тем отличается от Сильвана (в первой сатире Кантемира) – помещика, уверявшего, что «учение голод наводит»: учение тогда уже давало довольно хлебные места. Фонвизин далее представляет в смешном виде учителей Митрофанушки: Цифиркина, Кутейкина, Вральмана; но вряд ли в тогдашнее время Простакова и могла найти лучших воспитателей, если бы даже сознавала пользу науки. Западное образование усваивалось тогда немногими избранными людьми и притом самоучкой, через чтение книг, а собственно воспитание недалеко ушло и после всех трудов Бецкого, Янковича де Мириево и проч. Припомним, что рассказывает сам Фонвизин в своем чистосердечном признании о том, как он воспитывался.

Наша школьная наука еще долго имела своим представителем Кутейкина; большее количество того, что долбили в форме риторики Кошанского, истории Кайданова или словесности Плаксина, тут ничего не значит. Кутейкины по крайней мере имеют преимущество в том отношении, что, обременяя память, не истязуют мозга излишними умозрениями. Наша школьная наука в прежнее время даже редко возвышалась до простоты и здравого смысла Цифиркина, который все-таки соединяет в себе некоторые элементы толкового педагога. Он старается возбудить самолюбие своего питомца, внушая ему, что «с задами век назади останешься»; он очень наглядно толкует арифметику, приводя в пример себя, Митрофанушку и Сидорыча. Кроме того, он отличается редким бескорыстием, за что все нравственные лица комедии и дают ему на водку. Как бы то ни было, но влияние школы долгое время ограничивалось тем, что она кое-как обучала грамоте, обременяла голову фактами без всякой связи и смысла, упражняла в надутом красноречии, не разъясняя идей, которые и в этой искусственной форме иногда высказывались. Молодое поколение развивалось совершенно от нее независимо, под влиянием литературы, из которой в школу заходили только жалкие обрывки в виде хрестоматии. Следовательно, мы имеем полное право не рассматривать разных проектов воспитания, разных программ и мудрых предположений, очень неудачно приведенных в исполнение. Касаясь школы, мы могли бы только сказать о том, как она задерживала развитие; но это не составляет главной цели нашей статьи: говоря о самом ходе развития, мы должны обратиться к литературе и к тем разным ее направлениям, которые отражались в самой жизни образованного общества. На эти направления, о которых, впрочем, много было толковано, мы теперь взглянем с особой, педагогической точки зрения.

В нашем обзоре мы прежде всего должны различить исключительные явления от более общих. Такими исключительными явлениями в прошлом столетии были Ломоносов с его европейскою наукою и Новиков да Радищев с их гуманными, общественными идеями, занесенными с Запада. Ломоносов перед смертью грустил, что его начинания пропадут без следа, и он был прав во многих отношениях. Наука, которою он занимался с такою любовью, осталась предметом кабинетных исследований, и труды Ломоносова давно забыты. Самая русская грамматика скоро стала сухим сборником правил и исключений и на то, что лучшего указано в ней Ломоносовым – на логические основания языка и сравнительный метод, – совсем не обратили внимания. Что же осталось? Остались заказные стихи на иллюминации и на фейерверки, официальные оды, торжественные речи со всеми преувеличениями риторики, да курс этой старой науки. Во всем этом, исключая более усовершенствованного языка, Ломоносов нисколько не двинулся вперед, а только лучше применил к делу то, что существовало прежде. До него Кантемир и Феофан Прокопович отлично сознавали пользу реформы Петра и величали ее довольно искусно; Елизавету с неменьшим усердием восхваляли современные ему духовные ораторы: он только сделал риторику из духовной светскою. Таким образом, Сумароков и Державин тут являются ему равносильными соперниками: Сумароков затмевает его драмами, которые при искусной игре актеров все-таки были доступнее большинству публики, чем оды; Державин – отблесками поэтической истины, которою он оживил риторические украшения. Что касается до Новикова, то он принадлежал к числу немногих людей, которые серьезно принимали к сердцу филантропические идеи, какими в то время щеголяли в нашем обществе. Его деятельность высказалась очень разнообразно в литературе и в жизни; но какое влияние имела она на молодое поколение, мало можно сказать утвердительного по недостатку данных. Как масон и мистик, он в большинстве случаев, вероятно, был предметом недоверия или грубых насмешек; следы его влияния заметны отчасти в направлении Карамзина; прямых же последователей он после себя не оставил. Гуманные идеи XVIII века и впоследствии возбуждали к деятельности молодое поколение; но вообще они как-то уродливо входили в круг нашей жизни: исключая немногих глубоких характеров, подобных Радищеву, они большею частью служили новым материалом для риторических упражнений и для пустого фанфаронства. Фонвизин в типе Иванушки указал их бестолковое применение в русском обществе прошедшего века. Митрофаны, некогда лазившие на голубятни, впоследствии под строгою опекою безукоризненных Правд иных стали понемногу развиваться, научились болтать по-французски, переняли гостиный лоск и гостиную болтовню и наконец достигли типа Репетиловых, на которых и остановились. Итак, риторика составляла главное начало, под влиянием которого развивалось наше юношество, когда западное образование охватило верхние слои русского общества. Звучные строфы и искусно составленные периоды Ломоносова дали ей ходу более прежнего; но будущие Расины, Вольтеры, Пиндры и Горации еще в мелких чинах отыскивали своего счастия. Ломоносов даже и в стихах на разные празднества был слишком серьезен и порою высказывал такие мысли, что Российская земля может рождать «быстрых разумом Ньютонов». Нужны были на подмостках театра вопли нежной Оснельды и Семиры, сердечные излияния Синава и Трувора, чтоб возбудить чувствительность избранной публики и сделать риторику легким, приятным развлечением, «полезною, как летом вкусный лимонад». Она пошла гулять по свету и в виде любовной песенки, и в виде эклоги нескромного содержания, наряжаясь то пастушкой, то героинею в фижмах. Но посреди этих забав жизнь смущала другими звуками: из Петербурга слышались выстрелы шведских пушек, армия за армиею шли на Дунай, а любезный Вольтер, докучая своими учтивостями, во что бы то ни стало требовал либерализма – и вот является поэт, настоящий гражданский поэт, хотя Россия тогда еще не слыхивала ни о каких гражданских мотивах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.